

УДК 343.1; 342.7
ББК 67

М.С. Дунаева

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ОСНОВНЫЕ ГАРАНТИИ*

Рассмотрены сущность, содержание и основные гарантии неприкосновенности частной жизни граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Обоснована необходимость признания неприкосновенности частной жизни самостоятельным принципом уголовного процесса.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни; уголовное судопроизводство; защита прав личности.

M.S. Dunaeva

PRIVACY AS PRINCIPLE OF CRIMINAL PROCEDURE IN THE RUSSIAN FEDERATION: ITS ESSENCE, CONTENT, KEY GUARANTEES

The article studies the essence, content and key guarantees of privacy in criminal procedure in the Russian Federation. The author proves the necessity of acknowledging privacy as independent principle of criminal procedure.

Keywords: privacy; criminal procedure; protection of individual rights.

В системе принципов уголовного судопроизводства, сформулированных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, содержится ряд положений, самым непосредственным образом направленных на защиту частной жизни граждан: уважение чести и достоинства личности (ст. 9); охрана прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 11); неприкосновенность жилища (ст. 12); тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13). Между тем данные принципы отнюдь не исчерпывают все составляющие общего концептуального положения, связанного с неприкосновенностью частной жизни. Последняя, кроме перечисленного, включает право на сохранность личных и семейных тайн, право на защиту своего доброго имени и репутации. Поэтому следует высказать сожаление относительно того, что в окончательной редакции УПК РФ неприкосновенность частной жизни не была выделена в качестве самостоятельного принципа уголовного судопроизводства.

Следует отметить то, что нормативное закрепление права на неприкосновенность частной жизни — относительно новое явление для отечественного законодательства. Конечно, сложно спорить с мнением о нецелесообразности необоснованного расширения круга принципов уголовного процесса за счет включения в их число частных правовых норм [1]. Вместе с тем, на наш взгляд, рассматриваемое положение все же заслуживает статус принципа уголовного судопроизводства.

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта ФБ-60 «Разработка методологических подходов к оценке эффективности мер налогового и таможенного регулирования» (шифр заявки 6.3132.2011, номер регистрации в ФГНУ ЦИТиС 01201256015).

Несмотря на многообразие взглядов на систему уголовно-процессуальных принципов, большинство исследователей едины в определении этой юридической категории, трактуя принципы как основные правовые положения общего характера, определяющие построение всех стадий уголовного процесса, его форм и институтов, и обеспечивающие выполнение стоящих перед ним задач [5, с. 23].

Исходя из приведенного определения, можно сформулировать основные черты, позволяющие отнести то или иное положение к числу принципов уголовно-процессуального права, и проанализировать, соответствует ли неприкосновенность частной жизни граждан этим критериям.

1. Положение, претендующее на принцип, должно быть закреплено в законе, носить нормативный характер. Здесь необходимо отметить, что в юридической литературе существует точка зрения, в соответствии с которой принципы не следует отождествлять с правовыми нормами, так как на правоприменительную практику могут оказывать влияние и не зафиксированные в нормативных актах правовые идеи. Так, возможность существования «надпозитивных», не закрепленных в законе принципов отстаивает Г.Н. Муромцев [6, с. 36].

С такой позицией трудно согласиться. Как справедливо отмечал В.М. Савицкий, «...пока идею предлагают в монографиях, обсуждают на научных конференциях и симпозиумах, она остается только идеей, может быть, блестящей, высоко нравственной, но, увы, лишь идеей, не имеющей права быть руководящей, обязательной для исполнения» [4, с. 1].

Как было отмечено выше, свобода от вмешательства в частную жизнь защищена международными соглашениями России. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, причем установлен приоритет международных норм. Уже поэтому положение о неприкосновенности частной жизни отвечает критерию нормативности. Более того, оно непосредственно закреплено в ст. 9 российской Декларации прав и свобод человека и гражданина (1991 г.) и в ст. 23 Конституции РФ.

2. Принципы носят первичный характер. «Для принципов нет причины» (лат. *principiorum non est ratio*) — их невозможно вывести из других норм. Принципы, напротив, как бы охватывают их, служат своеобразными ориентирами как для законодателя, так и для всех участников процесса.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что и в международных документах, и в ст. 23, 24 Конституции РФ защите частной жизни посвящены отдельные нормы. Полагаем, что такой подход должен найти отражение и в УПК РФ.

Отметим также, что оценка неприкосновенности частной жизни как общеправового, конституционного принципа не противоречит его признанию в качестве уголовно-процессуального. В системе принципов любой отрасли права сосуществуют принципы общеправовые (свойственные праву в целом), отраслевые (характерные для отдельных отраслей) и межотраслевые (присущие группе смежных отраслей). Уголовно-процессуальное право не является исключением: законность, например, является общеправовым, а состязательность — межотраслевым принципом. При этом никто не оспаривает их место в системе принципов уголовного судопроизводства.

3. Большинство авторов едино во мнении, что принципами следует считать положения, которые имеют всеобщий для процесса характер и, в той или иной степени, проявляют себя на всех его стадиях, прежде всего, — на важнейшей для судьбы уголовного дела стадии судебного разбирательства. При этом неизменно подчеркивается объективная сущность уголовно-процессуальных принципов, выраженная в их соответствии социально-экономическим условиям развития общества [3, с. 64].

Как полагает Л.В. Дроздова, неприкосновенность частной жизни граждан наряду с другими конституционными положениями не отвечает данному критерию и соответственно не может считаться принципом уголовно-процессуального права: «Уголовный процесс изобилует лишь исключениями, изъятиями из данного принципа. Обыск нарушает неприкосновенность жилища, прослушивание телефонных переговоров — личную жизнь, выемка почтово-телеграфной корреспонденции ставит под вопрос тайну переписки. Таким образом, не имея механизма реализации, принципы неприкосновенности жилища, охраны личной жизни и тайны переписки не являются таковыми» [2, с. 95].

На наш взгляд, следует говорить не об отсутствии соответствующего механизма, а о его несовершенстве. Такой вывод согласуется и с данными социологического опроса: 69% сотрудников МВД и прокуратуры полагают, что существующий порядок производства следственных действий недостаточно эффективно защищает частную жизнь граждан от необоснованного вмешательства.

В то же время без соответствующих гарантий на всех стадиях уголовного процесса никакой, даже самый прогрессивный принцип не в состоянии оказывать влияние на правоприменительную практику. Интересно заметить, что ряд гарантий неприкосновенности частной жизни был закреплен еще в УПК РСФСР: — юридические (формальные) основания производства ряда следственных действий, ограничивающих рассматриваемое конституционное право (обыск, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, ее выемка, контроль и запись телефонных переговоров), включающие получение следователем санкции прокурора или определения (постановления) суда (ч. 3 ст. 168, ч. 1 ст. 174 УПК РСФСР);

— обязанность следователя «...принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при обыске и выемке обстоятельства интимной жизни лица, занимающего данное помещение, или других лиц» (ч. 5 ст. 170 УПК РСФСР);

— правило о недопустимости разглашения данных предварительного следствия участниками процесса и другими лицами без разрешения следователя или прокурора (ст. 139 УПК РСФСР);

— свидетельский иммунитет ряда участников процесса, включающий: запрет допрашивать защитника обвиняемого об обстоятельствах дела, которые стали известны ему в связи с оказанием юридической помощи; адвоката, представителя профессионального союза и другой общественной организации — об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с выполнением обязанностей представителя (пп. 1, 3 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР); священнослужителя — об обстоятельствах, известных ему из исповеди (п. 11 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР);

— возможность проведения закрытого судебного заседания в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц (ч. 2 ст. 18 УПК РСФСР).

В УПК РФ эти положения получили дальнейшее развитие. Появилось единое основание производства следственных действий, ограничивающих тайну переписки, телефонных переговоров и неприкосновенность жилища — решение суда. Порядок получения такого решения подробно регламентирует ст. 165 УПК РФ.

Статьи 182, 183 УПК РФ требуют от следователя принимать меры, предотвращающие оглашение обстоятельств частной жизни граждан (а не только интимной, как в УПК РСФСР), а также сведений, составляющих личную и семейную тайну. Статьи 185, 186 УПК РФ содержат положения, препятствующие доступу посторонних лиц к содержанию переписки и телефонных переговоров. Заметим, что законодательство продолжает развиваться в направлении совершенствования указанных гарантий, о чем говорит недавнее дополнение УПК РФ ст. 186: «Получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами» и внесение изменений в ст. 13 УПК РФ: «Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» (Федеральный закон от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ). В соответствии с этими поправками, получение указанной информации возможно только на основании судебного решения. Тем самым законодатель расширил понятие тайны связи за счет включения в него так называемой «детализации» переговоров и других сведений, напрямую не касающихся содержания переговоров, но, несомненно, имеющих личный характер.

Существовавшая в УПК РСФСР норма о недопустимости разглашения данных предварительного расследования без разрешения прокурора, следователя или дознавателя была дополнена запретом на разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия (ст. 161 УПК РФ). Кроме того, были расширены рамки свидетельского иммунитета, введены новые исключения из принципа гласности, направленные на охрану частной жизни. Оглашение переписки, записей телефонных переговоров, почтовых сообщений граждан в открытом судебном заседании стало возможным только с их согласия. Законодатель распространил данные требования и на материалы фотографирования, аудио- и видеозаписей, киносъемки, носящие личный характер (ч. 4 ст. 241 УПК РФ).

Таким образом, современные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства убедительно свидетельствуют о необходимости закрепления неприкосновенности частной жизни граждан в качестве самостоятельного принципа уголовного судопроизводства России.

Список использованной литературы

1. Громов Н.А. Принципы уголовного процесса, их понятие и система / Н.А. Громов, В.В. Николайченко // Государство и право. — 1997. — № 7. — С. 36–38.
2. Дроздова Л.В. Принципы уголовного процесса: критерии их выделения и значение / Л.В. Дроздова // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр. — Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 1999. — Вып. 1. — Ч. 1. — С. 91–98.
3. Кожевников С.Н. Общеправовые и отраслевые принципы: сравнительный анализ / С.Н. Кожевников, А.П. Кузнецов // Юрист. — 2000. — № 4. — С. 64–70.
4. Ларин А.М. Уголовный процесс в России: Лекции-очерки / А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова, В.М. Савицкий; отв. ред. В.М. Савицкий. — М.: БЕК, 1997. — 324 с.

5. Словарь основных терминов по уголовному процессу / В.К. Бобров, Р.Д. Лисицин, П.В. Фадеев; под ред. В.К. Боброва. — М.: Щит-М, 2001. — 160 с.
6. Теория права и государства: учеб. / под ред. Г.Н. Манова. — М.: БЕК, 1995. — 284 с.

References

1. Gromov N.A. Printsipy ugolovnogo protsesssa, ikh ponyatie i sistema / N.A. Gromov, V.V. Nikolaichenko // Gosudarstvo i pravo. — 1997. — № 7. — S. 36–38.
2. Drozdova L.V. Printsipy ugolovnogo protsesssa: kriterii ikh vydeleniya i znachenie / L.V. Drozdova // Aktual'nye problemy raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii: mezhvuz. sb. nauch. tr. — Krasnoyarsk: Sib. yurid. in-t MVD Rossii, 1999. — Vyp. 1. — Ch. 1. — S. 91–98.
3. Kozhevnikov S.N. Obshepravovye i otraslevye printsipy: sravnitel'nyi analiz / S.N. Kozhevnikov, A.P. Kuznetsov // Yurist. — 2000. — № 4. — S. 64–70.
4. Larin A.M. Ugolovnyi protsess v Rossii: Lektsii-ocherki / A.M. Larin, E.B. Mel'nikova, V.M. Savitskii; otv. red. V.M. Savitskii. — M.: BEK, 1997. — 324 s.
5. Slovar' osnovnykh terminov po ugolovnomu protsessu / V.K. Bobrov, R.D. Lisitsin, P.V. Fadeev; pod red. V.K. Bobrova. — M.: Shchit-M, 2001. — 160 s.
6. Teoriya prava i gosudarstva: ucheb. / pod red. G.N. Manova. — M.: BEK, 1995. — 284 s.

Информация об авторе

Дунаева Марина Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, e-mail: dunaeva@sibnet.ru.

Author

Dunaeva Marina Sergeevna — PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Procedure and Criminology, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, e-mail: dunaeva@sibnet.ru.